…Припомнилось мне, что в прошлом году «Угличская газета» обратилась к своим читателям с очень душевным вопросом: за что они любят Углич? Ответы тогда последовали самые разные, и каждый из них был по-своему интересен. Вспоминая их, я неожиданно и сам обратился к поиску ответа на такой, по-моему, очень непростой вопрос. И поиск ответа я начал, так сказать, с «предответа», разбираясь, какие места великого Отечества мне особенно близки.

И я сокрушённо подумал, что Россия слишком велика для живого точного познания всех её примечательных мест. (Это ведь не Люксембург, не Бельгия, не Голландия… Это целый особый «материк», который за краткий людской век не исходить, не изъездить…) И всё же… И всё же, что из увиденного мною особо запало мне в память и лежит всего ближе к сердцу? И «предответ» явился ко мне быстро и уверенно: если брать сельские местности, то их всего три – знаменитое Ферапонтово и мышкинские Учма и Паисьев погост. А городских мест оказывается тоже три – Мышкин, Углич и Плёс!

Но коль ваша газета интересовалась Угличем, то и попытаемся сказать именно о нём. Однако ответ оказался столь многоплоскостным и многоцветным, что стал выливаться в целое рассуждение. И я приведу хотя бы отрывки его.

…Может быть, древний город глубоко впечатляет драматизмом своей исторической судьбы? И человек способен мысленно заглядеться на грозные отсветы былых трагедий? Ведь в малом месте они особенно ярки и для человеческого воображения

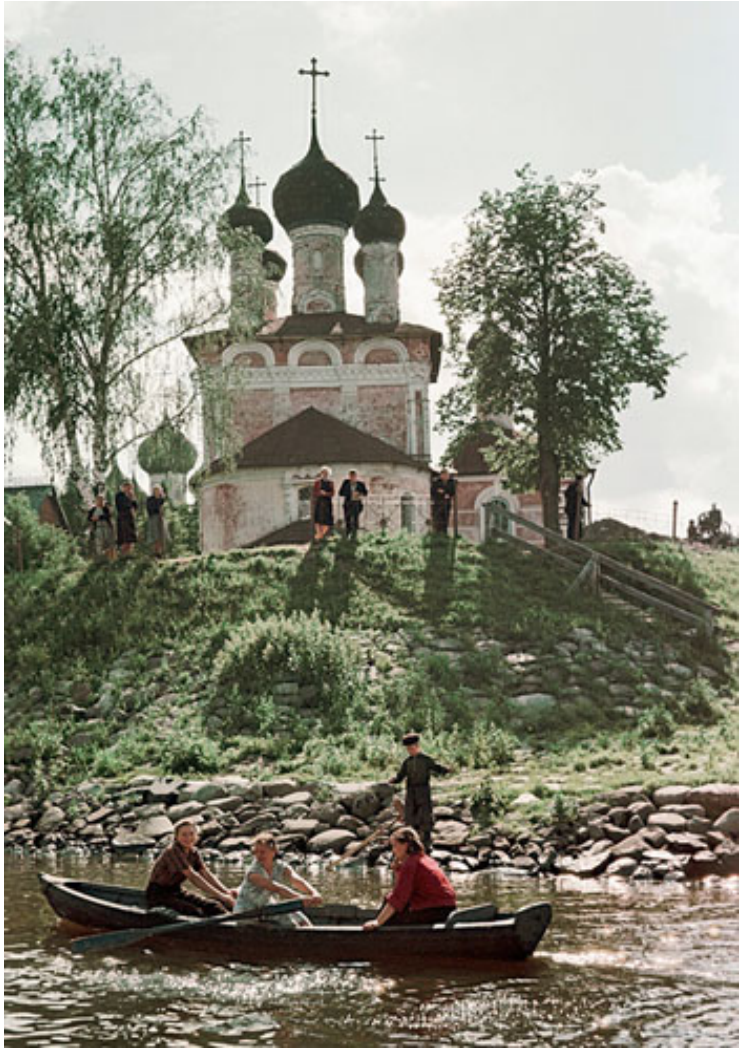
порой просто сокрушительно ярки, неслучайно десятки и сотни великих россиян обращались к их памяти. От Карамзина до Пушкина и от Погодина до Ключевского. (Назовите мне хоть одного большого русского мыслителя, который не обращался бы к угличским потрясениям!)

…А может быть, нас так привлекают судьбы его несчастных героев? Как не заглядеться, например, на суровые судьбы Андрея Большого, царевича Димитрия или даже королевича Густава? И ещё, и ещё многих! Вспоминаешь былое, и долгая череда скорбных ликов выступает из туманов прошлого. И от них не отвернуться, они словно вопрошают нас и о своих страданиях, и о страданиях всего нашего Отечества… Неотступно глядят из прошлого!

…Или многопамятный город нам столь любезен за мягкую располагающую «живопись» трудов Природы и Человека? Здесь многое останавливает любующийся взгляд путника. Вот, скажем, мой любимый вид Углича с эспланады Дворца культуры на район Корсунской церкви. Это, несмотря на большие утраты, живой фрагмент яркой и тёплой старинной уездности.

…Однако, может быть, обаятельность города в том, что он всё же дивно уцелел после всех тяжких потрясений русской истории? И сквозь её быри до нас дошло многое из нашей национальной особости? Вот я сам в молодости особо любил ансамбль Воскресенского монастыря и церковь Рождества Иоанна Предтечи. Тогда они были в большой усталости от людского небрежения, но их красота оставалась ещё не «засушенной» реставрациями. Там каждый кирпичик дышал памятью ионинского времени.

А возможно, этот город сердцу был так любезен, например, за прощальное величие Григорьевского дворца? Он же прощался с нами, и в том прощании жил некий высокий и светлый трагизм насовсем уходящей классической эпохи…



Он словно прекрасное видение высился за Волгой, всё более исчезая за завесой зелёных насаждений, должно быть, специально насаженных, чтобы закрыть от людей погибель красоты?

…Или же к городу душой располагаешься за странный из сегодняшнего дня, но очень добрый соседский уклад бытия келий Богоявленского монастыря, где мы жили со своими учителями и иными служащими педучилища?

…А может быть, и за интеллигентную импозантность «гэсовских» домов на улице Маркса? Они ведь привлекали и радовали нас своей неожиданной тактичностью относительно своих соседей по улице… И как это удалось их создателям объединить два столь разных посада одной улицы в некий совершенно удачный и привлекательный сплав созданий двух совсем несхожих веков? (Эти «гэсовские» дома очень обнадёживали некой заявкой на весьма интеллектуальное дальнейшее развитие советской архитектуры. И очень жаль, что оно совсем не состоялось).

…Или скорей городу мы были благодарны за тихие линии бульвара у Дома культуры экспериментального сыродельного завода? Ведь это место тогда обладало совершенно своим (и тоже вполне интеллигентным!) обаянием, тактично царствующим в отдалении от старинных районов застройки. Как хорошо, что тогда градостроители «развели» друг от друга столь разные части города. (Вот, скажем, в Кашине это совсем не получилось…) А в Угличе прогулка «на сыры» дарила много приятностей.

…А, кстати, очень много значила скромная роскошь клуба «Тридцатки». Он оставался непререкаемо популярным и всенародно привлекательным. (А какой по зимам там заливали каток!)

…Но вернёмся к «сырам» и вспомним, что там как-то всегда удавалось сохраняться некой «учёной» тишине, некой посвящённости этого места в некий несомненно культурный мир!

…А, может быть, тогдашний Углич особо впечатлял нас, «пришельцев», каменной «летописью» старинных булыжных мостовых, этой неизносимой старинной одеждой городских улиц? (Ох, как она заставляла себя чувствовать! Каждым камушком… Улица была по-своему голосистой!)

…А как не сказать о пышном богатстве сырных витрин в центральном магазине, коим «сырная столица» эффектно заявляла о своих смелых исканиях в советском сыроделии? (Один загадочный «Рокфор» чего стоил…)

…А, может быть, мы очаровывались городом за хладное дыхание времён, ледяным сквознячком текущее из приоткрытых дверей Богоявленского собора, тогдашнего

продуктового склада… Святые угодники его громадных росписей сокрушённо взирали на дерзкие штабеля ящиков, внушительные пирамиды мешков и на невообразимую дикость безбожного века…

…За молчаливое достоинство громадного камня у дверей музея, явно пережившего и величие, и ничтожество многих и многих веков?

…А может быть, и за тихую заманчивость старых (тоже булыжных) дорог, направляющихся к далёким Ярославлю, Рыбинску, Ростову? Казалось, что они (а особо в ростовскую сторону) ведут в какие-то чудом уцелевшие стародавние русские просторы, в коих обстановка жизни дедов и прадедов как-то ухоронилась от бурь «строительства коммунизма». Ведь где-то там, в дымке то ли расстояний, то ли времён высился Тархов холм и печально красовалась Никола-Царевна! Дорога всё время тихо звала в долгие пешие странствия, и этот зов мне был хорошо знаком. Такое не забудешь…

…Ах, не напрасно я перебираю всё то, чем красив и дорог древний город… Его же до конца, до края никогда не переберёшь. Он пронизан, пропитан русской историей… И, может быть, она, живущая в каждой улице и каждом камне, и есть главная суть и главное достояние города Углича?

Владимир ГРЕЧУХИН, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусства, г. Мышкин

«Угличанин» №27 (633) от 10.07.2019 года

{jcomments on}{loadposition yandex-knopka}